

Очередная студенческая революция?

Филип Дж. Альтбах и Тьерри М. Люшер

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования, Бостонский колледж (США).

E-mail: altbach@bc.edu.

Тьерри Люшер — заместитель директора по исследованию послешкольного образования Исследовательского совета по гуманитарным наукам и доцент Университета Фри-Стейта (Блумфонтейн, ЮАР).

E-mail: thierryluescher@hotmail.com.

В последние несколько месяцев общественные волнения можно было наблюдать в десятках стран и регионов. Среди них — Алжир, Боливия, Великобритания, Гвинея, Гондурас, Гонконг, Ирак, Казахстан, Каталония, Ливан, Франция, Чили, Эквадор, Гаити. Во многих случаях эти волнения привели к глубокой встряске существующей системы, причем их результаты остаются неясными. И хотя причины этих событий, равно как и ключевые участники, различны, можно выделить и некоторые общие элементы. Во всех событиях участвовали студенты, а в некоторых случаях они даже сыграли ключевую роль.

Непосредственные и подспудные причины

Непосредственные причины и поводы недавних беспорядков в большинстве стран не связаны напрямую с такими проблемами высшего образования, как стоимость обучения и проблемы кампусов. Единственное исключение — Чили, где население уже давно требует от властей выполнить взятые на себя обязательства по обеспечению бесплатного высшего образования, что накладывается на другие общественные проблемы. С другой стороны, чилийский случай можно назвать вполне типичным. Толчком к протестам последнего времени послужило повышение цен на проезд в метро, и зачинщиками акций стали школьники и студенты. Но протест быстро охватил широкие массы и уже не ограничивался ценами на проезд, а стал отражением общего недовольства социальным неравенством в стране (Чили — одна из стран с самым высоким уровнем неравенства в Латинской Америке), в результате чего 25 октября 2019 года на улицы Сантьяго вышло более миллиона протестующих.

В большинстве случаев первоначальным поводом к протестам становилась какая-то конкретная проблема, к которой вскоре добавлялись и другие. Непре-

кращающиеся протесты в Гонконге, где в какой-то момент на улицы тоже вышло более миллиона человек (одна пятая населения), начались как реакция на законопроект об экстрадиции в материковый Китай. Но вскоре начали звучать требования об обеспечении демократии и сохранении уникальной гонконгской идентичности, а также выражалось недовольство высокой стоимостью жилья и социальным неравенством в целом. В Ираке протесты начались в студенческой среде, но вскоре к ним присоединились широкие слои общества, а демонстрации охватили крупнейшие города страны. Поводом для протестов стали коррупция и нехватка базового социального обеспечения, но вскоре на повестке дня оказались недовольство вмешательством Ирана во внутренние дела страны и другие проблемы.

Объединяет практически все эти протестные движения глубоко укоренившееся в обществе недовольство социальным неравенством, усугубляющееся социальное расслоение и ощущение, что большие группы населения оказались на обочине вследствие политики неолиберализма и из-за бесчувственности политических элит. В этом смысле последняя волна общественных волнений имеет много общего с факторами, приведшими к избранию Дональда Трампа президентом США и Брекзиту Соединенного Королевства.

Объединяет практически все эти протестные движения глубоко укоренившееся в обществе недовольство социальным неравенством.

Можно также вспомнить о протестах, охвативших Северную Африку и Ближний Восток в начале 2010-х и вылившихся в итоге в «арабскую весну». Первоначально основной движущей силой протестов стала молодежь, безработные выпускники вузов и студенты. Они тоже выражали свое недовольство сложившимся политическим строем, нередко репрессивным. Усиление социального неравенства и глубокий пессимизм относительно перспектив трудоустройства после выпуска стали благодатной почвой для активизма.

Факторы XXI века

Сегодняшние протестные движения обладают рядом важных характеристик. У них зачастую нет лидеров, поэтому властям сложно вести переговоры с протестующими, да и самим протестующим оказывается сложно представить внятный набор требований или программу. Их спонтанность обуславливает их

энергичную динамику и непредсказуемость. В большинстве случаев протесты начинались очень мирно (хотя небольшие группы нередко прибегают к насилию по ходу массовых демонстраций), но в некоторых странах переросли в настоящие уличные бои, причем к эскалации и продолжению протестов приводил полицейский произвол.

И конечно же, ключевым инструментом информирования, мобилизации и объединения стали социальные сети, имеющие особое значение для молодежи и студентов. Многие известные студенческие движения последнего десятилетия сопровождались массовыми онлайн-кампаниями. Хештег #FeesMustFall («Взносы должны пасть»), запущенный в ЮАР в 2015 году, оказался таким броским, что его подхватили участники студенческих движений в Индии и Уганде в октябре и ноябре 2019 года соответственно, которые выступали с такими же требованиями, как и южноафриканские студенты. Для правительств многих стран соцсети, играющие мощную роль в распространении протестных движений, остаются силой, которую те пытаются укротить, для чего они замедляют интернет или блокируют соцсети.

Роль студентов

Именно студенты стали главными инициаторами ряда протестных движений последнего времени. В качестве примера можно привести Гонконг и Ирак. В других странах, например в случае с французскими «желтыми жилетами», студенты никак не участвовали в зарождении движения и не играли роли в его развитии. Впрочем, участие студентов в протестах вовсе не означает, что темы, связанные с образованием, занимают центральное место в повестке, даже если студенты составляют ядро протеста. Можно уверенно утверждать, что сейчас, в отличие от активистских движений 1960-х, студенты не стали ведущими игроками всех протестных движений, но при этом они поддерживали большинство из них, а в некоторых лидировали.

Спустя десятилетие после мирового экономического кризиса по миру прокатились студенческие протесты. Хотя 2019 год можно в целом назвать годом международных уличных протестов, именно студенты начали выводить протест на улицы еще несколькими годами раньше, чтобы выразить свое возмущение политикой жесткой экономии и общественным неравенством. Триггером в разных странах служила стремительная приватизация высшего образования в условиях режима строгой экономии. За последнее десятилетие массовые студенческие протесты, связанные с высокой стоимостью обучения, проходили в Бангладеш, Великобритании, Германии, Индии, Италии, канадском Квебеке, Малайзии, Чили, Уганде, Южной Корее, ЮАР и в других странах. Еще одним новым фактором, который, возможно, станет предвестником каких-то новых тенденций, стало участие в протестных движениях и школьников. В некоторых странах и регионах,

например в Чили и Гонконге, ученики старших школ участвуют в политических протестах, но гораздо важнее тот факт, что школьники всего мира оказались вовлечены в набирающий популярность экологический активизм.

События, которые мы наблюдали на протяжении 2019 года, вряд ли можно сравнивать со студенческой революцией 1968 года. Скорее стоит говорить о молодежной революции/эволюции. Впрочем, нельзя отрицать несомненно важную роль студентов как отдельной группы в развитии современных общественных движений, по крайней мере в том, что касается их призывов к социальной справедливости, которые стали своего рода прелюдией к сегодняшней волне активизма.

Массовые волнения в Чили: не студенческое движение

Андрес Бернасconi и Пит Лихи

*Андрес Бернасconi — профессор,
Пит Лихи — исследователь факультета
образовательных наук Папского католического
университета Чили.
E-mail: abernasconi@uc.cl, peodair@gmail.com.*

В 2019 году массовые протесты парализовали города и страны по всему миру. Обычно спокойное Чили — лидер Латинской Америки по экономическому развитию на протяжении трех последних десятилетий — сотрясилось от протестов и уличных бесчинств. 10 октября 2019 года скоординированному нападению подверглось одновременно 118 станций метро в столице страны Сантьяго. 25 станций сгорело, семь из них оказались полностью разрушены. Массовость и точная локализация нападений наводит на мысли о том, что за этим стоит единый идейный вдохновитель, но пока подобного человека или организации не найдено.

Вслед за этими событиями для выражения ярости и отчаяния протестующие стали выходить на массовые демонстрации и шествия по всей стране. Причем на этот раз протесты возглавили не подающие надежды молодые политики из университетской среды, а банды со спрятанными под масками лицами. В течение более чем трех месяцев агрессивные маргиналы с непонятной политической повесткой громили торговые центры, небольшие предприятия, супермаркеты и церкви. Отряды особого назначения оказались не в состоянии справиться с погромщиками, полиция была не в силах остановить мародерство. Президент Себастьян